

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–446
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–446
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

Научная статья
УДК [821.161.1.09-4+821.111(73).09-4]:327.54

Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике

К. А. Юдин

¹Ивановский государственный химико-технологический университет, Россия, 153000, г. Иваново, Шереметевский пр., д. 27
²Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, ¹доцент кафедры истории и культурологии, ²исполнитель по гранту, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>, AuthorID: 835079

Аннотация. В качестве предметного поля статьи выступает историко-имагологический спектр и компаративный ракурс. Исследуются основные акторы, влиявшие на динамику репрезентации образа врага (Другого) в политическом дискурсе Холодной войны. Основным видом источников стали публицистические материалы, представленные советской и американской литературой различного уровня, от газетных публикаций до объемных научно-популярных изданий. Формулируются выводы об амбивалентности культурного пространства, сосуществовании как устойчивых имагологических ориентиров и конструкторов, так и их корректировки, встречных «дрейфов» дегуманизации или регуманизации, исходивших от противоборствующих сторон и обусловленных стадиями Холодной войны.

Ключевые слова: Холодная война, образ врага, советская и американская публицистика, культурное пространство, идеологический контроль, политический дискурс

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре Холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Для цитирования: Юдин К. А. Культурное пространство Холодной войны: образ врага в советской и американской публицистике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 438–446. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The cultural space of the Cold War: The image of the enemy in Soviet and American journalism

K. A. Yudin

¹Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 27 Sheremetevsky Pr., Ivanovo 153000, Russia
²The Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., St. Petersburg 191186, Russia

Kirill A. Yudin, yudin-kir88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9579-7056>, AuthorID: 835079

Abstract. The subject field of the article is the historical-imagological spectrum and comparative perspective. The main actors that influenced the dynamics of the representation of the enemy/other image in the political discourse of the Cold War are investigated. The main type of sources were journalistic materials presented by Soviet and American literature of various levels, from newspaper publications to voluminous popular science publications. Conclusions are drawn about the ambivalence of cultural space, the coexistence of both stable imagological landmarks and constructs, and their adjustments, counter “drifts” of dehumanization or rehumanization emanating from the opposing sides and caused by the stages of the Cold War.

Keywords: Cold War, image of the enemy, Soviet and American journalism, cultural space, ideological control, political discourse

Acknowledgments: This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U. S. symbolic politics”.

For citation: Yudin K. A. The cultural space of the Cold War: The image of the enemy in Soviet and American journalism. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 438–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-438-446>, EDN: IWJYBV

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение: теоретико-методологические ориентиры

Со второй половины XX в. и вплоть до настоящего времени магистральным фактором феноменом, продолжающим оказывать воздействие на социокультурные процессы, политико-информационную работу, выступает Холодная война. Несмотря на основательную изученность, рефлексию, в том числе и на обобщающем историографическом уровне [1], основных векторов культурной и публичной дипломатии, успешное обращение к проблемам исторической имагологии, интеллектуальной истории [2], политике памяти [3], институциональным, гендерным и иным аспектам [4–20], сохраняет свою актуальность дальнейшее прояснение особенностей функционирования системы контроля за производством образов врага, их динамикой в культурном пространстве. Особенно это востребовано в компаративном ракурсе, предполагающем *сравнение* дискурсивного контекста встречаемых или упреждающих «вызовов-санкций», осуществляемых ведущими сторонами «холодной» конфронтации – СССР (странами социалистического содружества) и США (англо-американским блоком).

Сложившаяся в СССР и США к середине 1950-х гг. система контроля за производством образа врага основывалась и на негативных, и на позитивных санкциях как методах культурно-имагологического конструирования. Целью негативных санкций было, с одной стороны, достижение контрольно-дисциплинарного адресного эффекта, по сложившимся «традициям» публичных показательных процессов и наказаний, с другой – расстановка долговременных акцентов и приоритетов развития культуры, определение устойчивых нормативов в изображении «своих» и «чужих», от которых нельзя было отклоняться. Так, в середине 1940-х гг. подвергаются суровой критике известные литераторы, представители музыкального, кинематографического сообщества, продукты творчества которых, по мнению сталинского руководства, наносили ущерб образам своего, поскольку отклонялись от канонов советской культуры, носили «антинародный», «формалистический» характер. Это М. М. Зощенко, А. А. Ахматова, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, В. И. Мурадели, Н. Я. Мясковский, С. М. Эйзенштейн, Л. З. Трауберг и др.

Одновременно в истории США начался период маккартизма, отчасти совпавший с идеологической и информационно-пропагандистской «кампанией правды» («Campaign of Truth») и реализацией «плана психологической войны» (PSB D-33/2) [12, с. 66, 127; 19, р. 76]. Знаковым событием второй половины 1940-х гг. становится проведение в 1947 г. показательного процесса над «голлиудской десяткой». 10 ведущих

представителей кинематографической интеллигенции – А. Бесси, Г. Биберман, Э. Дмитрик, Л. Коул, Р. Ларднер, Д. Х. Лоусон, А. Мальц, С. Орниц, А. Скотт, Д. Трамбо – предстали перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности и обвинялись в «неуважении» к Конгрессу США, а многие другие были занесены в «черные списки» («blacklists»). В докладе «Красные каналы», опубликованном в еженедельнике «Контратака» (22 июня 1950 г.) речь шла о проникновении коммунистов на радио и телевидение, приводился список из 151 деятеля искусств. Всем им были предъявлены требования либо уволиться, либо признаться в прокоммунистической деятельности [5, с. 116].

В 1950–1954 гг. в массовой культуре США происходило формирование образов советских коммунистов не просто как людей «второго сорта», а как наиболее вероятных носителей социально-психологических «девиаций», в том числе ассоциировавшихся с сексуальными меньшинствами [20, р. 221]. В 1950 г. массово тиражировалась брошюра А. Гудфренда «Если Вы родились в России» [21], в которой репрезентировался образ жизни «типичной» русской семьи, обреченной в условиях советского режима стать частью бездушной «красной машины» [22]. Американцам постоянно напоминали о том, что русские («красные») постоянно наблюдают за ними и только ждут малейшего ослабления граждан США [23], поэтому бдительность требуется не только со стороны взрослых, но и подрастающего поколения, призванного продемонстрировать готовность организовать «детский крестовый поход» против коммунизма.

Необходимо отметить, что негативным санкциям подвергался не только тот медиаконтент (фильмы, музыкальные произведения, карикатуры и другие виды массовой культуры), который изображал «врага номер один» недостаточно критично, но и тот, в котором он показывался наиболее агрессивно. Как справедливо отметил А. Фатеев, эта тенденция обнаружилась себя еще до смерти И. Сталина и была связана с модификацией «образа врага», снижением негативной экспрессии при его конструировании [24, с. 191–193] и нашла продолжение уже после XX съезда КПСС, когда формировался политико-идеологический климат «холодного потепления» [25, с. 755]. Происходила определенная модификация образов в сторону снижения негативной риторики, что стало проявлением «идеологического великодушия» к конкурирующей, капиталистической системе в условиях «разрядки». Как верно отметил И. Н. Лопаткин, на данном этапе «исчезли сравнения между политикой США и нацистской Германии. Агрессивный характер американской внешней политики выводился из особенностей капитализма, нуждающегося в постоянных военных заказах» [26, с. 199].

Сущность позитивных санкций заключалась в достижении стимулирующего, мотивационного эффекта двумя основными способами.

Во-первых, с помощью признаний заслуг, поощрений деятелей не только советской, но и зарубежной театрално-кинематографической, художественной, музыкальной культуры и искусства, спорта. Одной из высших наград в СССР в 1940–1955 гг. была Сталинская премия за выдающиеся достижения в области науки и техники, военных знаний, литературы и искусства. В 1949 г. была учреждена Международная Сталинская премия «За укрепления мира между народами». В 1952 г. она была присуждена афроамериканскому певцу П. Робсону, также получившему возможность осуществить публикацию в журнале «Советская музыка» [27]. Символом начинавшейся «оттепели» и «разрядки» явилось присуждение престижной премии американскому пианисту Вану Клиберну, ставшему победителем Международного конкурса им. Чайковского (1958 г.). В 1960 г. Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами» получил американский промышленник И. Сайрус.

К числу позитивных санкций, например, в сфере кинематографии как наиболее репрезентативном виде массово-зрелищной культуры, можно отнести конкурсы с премированием за лучший киносценарий. В записке, составленной министром культуры СССР Н. А. Михайловым не позднее мая 1955 г., он просил о разрешении Министерству культуры СССР объявить конкурс на лучший киносценарий художественного фильма в связи с исполняющимся в октябре 1957 г. 40-летием Октябрьской революции, при подготовке которого исключительное значение придавалось показу «международного значения Великой Октябрьской социалистической революции, авангардной роли Советского Союза в борьбе за мир, демократию и социализм» [28, с. 416–417].

В то же время все это можно считать *синтезом форм контроля*, что активно практиковалось и противоположной стороной – в США. В работах одного из влиятельных руководителей американских спецслужб, директора ФБР Дж. Э. Гувера – «Люди в подполье» (1938), «Мастера обмана: история коммунизма в Америке и как с ним бороться» (1958) и «Изучение коммунизма» (1962) – осуществлялась тщательно продуманная интеграция негативных и позитивных санкций, при которой разоблачение и описание всех «ужасов коммунизма» было направлено на достижение положительного пропагандистского эффекта – поднятие имиджа Федерального бюро и самого Д. Гувера, вдохновлявшего личным примером простых американцев на служение нации, ее защиту от «красной угрозы». Проводилась последовательная дегуманизация образа врага в религиозном, культурно-цивилизационном, аксиологическом дискурсе. «Комму-

низм – это больше, чем просто экономическая, политическая, социальная или материалистическая доктрина. Это образ жизни, ложная материалистическая “религия”. Он лишает человека веры в Бога, его наследия свободы, его веры в любовь, правосудие и милосердие. При коммунизме все становятся современными рабами», – отмечал автор [29, р. 6]. Коммунистический менталитет, разъярял Гувер, представлял собой «систематическую, целеустремленную и сознательную попытку разрушить Западную цивилизацию и опрокинуть историю до прежнего уровня развития, к возрасту варварской жестокости и деспотизма всех от имени “социального прогресса”» [29, р. 319]. В середине 1960-х гг. появилась брошюра Д. Нобеля «Коммунизм, гипнотизм и Битлз...», в которой мировая популярность музыкальной группы интерпретировалась в конспирологическом дискурсе Холодной войны, рассматривалась как попытка создать новую религию, дискредитирующую христианские и американские ценности, а значит, автоматически родственную коммунизму и подрывным идеям социальной революции [30].

Признание заслуг (в том числе в виде обнародования в «чужой» стране результатов творчества) «правильных» американцев, симпатизировавших СССР или «независимых» дружественных западных экспертов [31], а также подвергавшихся дискриминации в США категорий населения (например, в рамках расовой проблемы) выступало проявлением советского антиамериканизма. Это было апробировано еще до начала Холодной войны. Произведения зарубежных писателей, таких как Б. Шоу, Э. Людвиг, Г. Уэллс, Л. Фейхтвангер, фрагменты бесед с И. В. Сталиным [32] использовались для укрепления авторитета лидера советского государства и создания типовых образов, иллюстрирующих торжество коммунистической морали, демократии, при которой «рабочие, командиры Красной армии, студенты, молодые крестьянки – все в одной и тех же выражениях рассказывают о том, как счастлива их жизнь...» [33, с. 40].

Во-вторых, позитивные санкции выражались в создании пацифистского дискурса, атмосферы воодушевления, спокойствия и стабильности, уверенности в правоте, превосходстве над чужими (врагами), негативные образы которых не только не мешали, а наоборот, были призваны способствовать выходу на более высокий культурно-идеологический уровень [34]. Отмечалось, что «советский народ является могучим оплотом и авангардом всего прогрессивного человечества в борьбе за подлинную культуру и цивилизацию, против фашистских варваров, мракобесов и погромщиков, против поджигателей новой войны» [35, с. 45]. В создании подобного дискурса принимали участие многие партийные функционеры и близкие к власти литераторы, писатели и критики: А. Фадеев, В. Ермилов, Н. Грибачев,

А. Сурков, М. Шолохов, Б. Полевой, И. Эренбург, К. Симонов, Д. Заславский, которые (как и их американские коллеги, публицисты – упомянутый А. Гудфренд) успевали вносить вклад в создание не только негативных, но и позитивных санкций.

«Борьба за мир» в конце 1940 – начале 1950-х гг. становилась самостоятельным направлением общественной и литературной деятельности [16, 36], а также вместе с лингвистическо-коммуникационными средствами выступала важным методом контроля, разновидностью «мягкой силы», способом экспорта социализма как системы в культуре дружественных стран. Для координации усилий регулярно проводились совещания [37], составлялись обобщающие доклады, анализирующие совместные успехи в борьбе с американским империализмом. Не меньшее значение придавалось «институциональной организации советского миролюбия» [10, с. 20] – деятельности миротворческих организаций и обществ дружбы, особенно зарубежных, которые способствовали «срыву антисоветских провокаций, препятствовали консолидации враждебных СССР сил, тормозили интервенционистские приготовления» [38, с. 24], а также созданию положительного образа СССР. Американские друзья СССР, например, Э. Мус из Национального Совета американско-советской дружбы (National Council for American-Soviet Friendship) призвала сотрудников Всесоюзного общества по культурным связям с заграницей (ВОКС) обновить кинопропаганду фильмами, создающими более правдивый и положительный образ СССР, в котором «хорошо одетые люди ходят по магазинам в хорошо укомплектованных магазинах» [17, р. 79]. С 1949 г. началась деятельность СКЗМ – Советского комитета защиты мира, в 1961 г. был создан Советский фонд мира (СФМ).

В свою очередь, американские издания также стремились формировать встречные позитивные санкции с учетом национально-государственной специфики и менталитета. В 1955 г. появилось другое произведение упомянутого А. Гудфренда – иллюстрированный буклет «Моя Америка», изданный Информационным агентством США, направленный на создание воодушевляющего культурного эффекта, достигаемого в результате соприкосновения с сокровищницей американской мудрости. В брошюре были представлены изречения сорока одного выдающегося деятеля американского искусства, бизнеса, образования, науки [цит. по: 39, р. 3–4]. Так же, как и известный «Экранный гид» А. Рэнд 1950 г., согласно которому для противостояния «красной угрозе» кинопромышленники не должны позволять создавать фильмы, где бы очернялись материальная состоятельность, стремление к личной выгоде, успеху, независимости, дискредитировались политические институты США [40], эти же

принципы транслировались в массовой публицистике, рекламе.

Немалую роль в дрейфах к дегуманизации образа США в массовой культуре СССР играли локальные военно-политические события. Типичным примером является сборник Д. Асанова, опубликованный в связи с инцидентом в мае 1960 г., когда был сбит американский разведывательный самолет U-2. Сборник интересен и примечателен тем, что в нем были опубликованы как советские (фрагменты докладов и речей Н. С. Хрущева, А. А. Громыко с заголовками – «Это был бандитский полет», «Не играйте с огнем, господа!», «Провокаторы запутались»!), так и американские материалы, выдержки из интервью представителей «прогрессивной общественности» США – конгрессменов, финансистов, журналистов, признавших дипломатическую победу Хрущева и поражение США (сенатор Ф. Черч), получение СССР «колоссального психологического преимущества» (член палаты представителей Д. Фэссел). Примечательно, что в докладе Н. С. Хрущева вновь прозвучали опасные ассоциации: «Как расценивать его (вторжение американского самолета. – К. Ю.) – как предвестника войны, предвестника нападения, то есть повторения того, что было сделано в свое время Гитлером?» [41, с. 10, 112–115].

Не слишком нарушили весьма противоречивый климат «холодного потепления» проведенные в СССР и США выставки 1959 г., известные как «витрины» социализма и капитализма. Став кратковременным импульсом к сближению культур, показав общность интересов простых советских людей, которые, как и их лидер, достойны уважения (феномен «добраго Хрущева», письма американцев ему и его жене), выставка «продемонстрировала американцам преимущества их собственного образа жизни» [7, с. 236, 246]. Все это предопределило содержание дальнейшего публицистического контента США как с консервативных [42], так и с либеральных позиций, сохраняющего единый оборонительно-охранительный характер, демонстрирующего приверженность традиционалистской риторике.

В 1970-е гг. также продолжается медиация СССР как «протагониста-героя», противопоставляющего себя США, даже в период «разрядки» на культурном пространстве представляемых преемниками «политики агрессии» [43] в Индокитае, начатой при Д. Эйзенхауэре: «Каждый может видеть, что Никсон не оставил свою агрессивную политику, а постоянно стремился затянуть войну с помощью плана «вьетнамизации» и «доктрины Никсона» [44]. В 1970–1980-е гг. в публицистике ведущей темой для обсуждения становится модификация американской гегемонии. В частности, отмечалось, что «для осуществления своих имперских замыслов США применяют широкий комплекс средств, совершенствуют методы экономического наступления,

ставят дипломатию на службу транснациональных корпораций, облегчая им проникновение в жизненно важные сферы хозяйственной деятельности других стран... На реализацию всех этих замыслов направлена и подрывная стратегия «информационного империализма», в которой роль дирижера принадлежит американской пропаганде» [45, с. 14]. В другой брошюре США по существу публично объявлялись «преступником № 1». Утверждалось, что «Соединенные Штаты проводят террористические операции не только против отдельных лиц, но и против целых народов государств. Наемные армии ЦРУ ведут необъявленную войну против Никарагуа и Афганистана, поддерживают полпотовских террористов и бандитов УНИТА в Анголе...». И далее: «Только при Рейгане Соединенные штаты предприняли попытку оформить законодательное право на международный разбой» [46, с. 4, 6]. Подчеркивалось, что данные издания, выпущенные тиражами не менее 250 000 экз. были рассчитаны на массового читателя, подвергавшегося новой волне дегуманизации образа США.

Другим элементом системы контроля выступал религиозный фактор, дополнявший образ врага в лице США негативными оттенками. Антикоммунизм, – отмечал Н. А. Решетников, – являлся «главным элементом идеологии и политики современного буржуазного клерикализма» [47, с. 17]. Неоднократно указывалось, что «церковный тоталитаризм» в США выступает угрозой международной безопасности, поскольку американские и другие буржуазные клерикалы «...сеют атомную лихорадку, антикоммунистический психоз» [47, с. 292], вынашивают идею «тотального ядерного антикоммунистического похода» [48, с. 79].

Аналогично и в США помощник госсекретаря США Э. Барретт считал, что религиозные силы могут стать «величайшим врагом коммунизма». Под его руководством информационные программы США уделяли повышенное внимание «великой привлекательности благочестия по сравнению с безбожием» [49, р. 6]. В 1984 г. была опубликована известная книга Р. Конквеста «Что делать, когда придут русские?» [50], ставшая олицетворением имагологической дегуманизации, характерной для первой половины этого десятилетия как этапа Холодной войны. Так же, как и более ранние издания, она представляла собой *руководство к действию* против «средоточия зла в мире», всех, живущих в «тоталитарной тьме» и лишенных «радости познания Бога» [51].

Перестройка в СССР (1985–1991 гг.) вызвала изменения политического климата и повлияла на публицистический контент. Стал заметен дрейф к его более позитивному или нейтральному восприятию в США, произошел переход от «образа врага к образу партнера» [52, с. 115]. По подсчетам Л. Б. Пойгиной, «количество

отрицательных оценок о действительности и действиях СССР на международной арене снизилось в газете («Нью Йорк Таймс». – К. Ю.) с 56% в 1982 г. до 26% в 1986 г. и 7–10% в 1987–90 гг.» [53, с. 140]. Культурным мостом, трамплином для коррекции образа СССР, стал так называемый «феномен Саманты Смит». Непродолжительная, но насыщенная миротворческая активность американской школьницы из штата Мэн, посетившей СССР и опубликовавшей с помощью родителей книгу «Путешествие в Советский Союз» [54], переведенную на несколько языков, вызвала огромный и позитивный медиарезонанс.

В СССР продолжали выходить научно-популярные издания – книги, брошюры, в частности из серии «Империализм: события, факты, документы», посвященные различным аспектам – кризису американской семьи [55], общества, искусства и культуры, агрессии НАТО как источника «империалистической реакции» [56, с. 124], тлетворному влиянию «вируса Запада» [57], «черного» эфира в СМИ [58], «голубого монстра» в спорте – спортивного телевидения как орудия буржуазной пропаганды, способствующего деградации, снижению общественной активности масс и представляющего «замаскированную апологию американского империализма» [59, с. 212]. «Элитарный авангардизм и коммерческая «массовая» звукопродукция, – отмечала Т. В. Чередниченко, – в идейном отношении взаимодействуют друг друга, по-разному приспособлявая слушателей к жизни в контексте углубляющегося кризиса буржуазного общества [60, с. 174]. «Корни антигуманной сути творчества многих рок-исполнителей, – полагала Н. Корзун, – следует искать в самом характере нынешнего буржуазного, американского общества. Культ индивидуализма и вседозволенности, эксплуатация культуры, особенно масскультуры в качестве источника, наживы ведут к насаждению бездуховности, моральной деградации общества, что и составляет суть империализма» [61, с. 47]. Словосочетание «массовая культура» принципиально заключалось в кавычки. Подчеркивалось, что этот феномен является порождением сугубо капиталистического строя, выступает его ведущим идеологическим оружием, позволяющим манипулировать общественным сознанием. «Массовая культура» рассматривалась как «одно из проявлений политико-идеологической гегемонии крупнейшей державы капиталистического мира – Соединенных Штатов Америки» [62, с. 5].

В то же время прежнего наступательно-разоблачительного дискурса уже не было. Многие публицистические материалы сохраняли его лишь на волне инерции вторичного переиздания. В ряде работ откровенно утверждалось со ссылками на М. С. Горбачева, заявившего о том, что «судить о достоинствах той или иной

системы должна история» [63, с. 152; 64, с. 260–261], об объективной альтернативности развития национально-государственной культуры, не детерминированной социализмом как высшей и финальной точкой. «Вместе с тем процесс перехода от капитализма к социализму не может быть пока определен неким четким временным периодом, ибо и нынешний этап общего кризиса капитализма не несет с собой его абсолютного застоя. Он “допускает” удержание капитализмом конкретных экономических, военных, политических, иных позиций, а на каких-то участках даже возможность социального реванша, возвращения ранее утраченного» [65, с. 40]. Выражалась надежда, что «со временем американцы поймут все коварство подобной идеологической обработки их сознания» [59, с. 212]. «Словно ростки хрупкой зелени, всё здоровое, что есть в сегодняшней Америке, – писала О. Г. Кирьянова, – пробивается из-под железобетонной плиты буржуазного гнета, тянется к свету, к солнцу, невзирая на “смог” империалистических нравов» [55, с. 230]. Однако эти метафоры отражали уже не силу, а слабость социализма как общественной системы.

Все это нашло отражение и в массовой культуре, в которой был провозглашен, как например, в Польской Народной Республике, «кинематографический НЭП», когда директор киноотдела I программы телевидения Е. Ковальский так комментировал сложившуюся в 1986 г. ситуацию: «Мы вообще-то выполняем указаниям нашего первого секретаря – пусть люди смотрят развлечения, чем задают вопрос, почему нет мяса в магазинах. Для привлечения к программе «Дневник новостей», «Время», мы должны обязательно после «Дневника» показать аттракционный фильм». И далее: «Что касается показа американских фильмов, то мы не можем в новостях сначала ругать Рейгана, а потом показывать фильм США» [66, л. 57].

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что имагологическое конструирование было рассчитано на разный по хронологическому диапазону и степени интенсивности эффект воздействия на массовое сознание.

В одних случаях предусматривалось поддержание устойчивых имагологических ориентиров и конструкторов (упадок, деградация и порочность капитализма и его ценностей, разоблачение агрессивности империализма). Они распространялись на все виды массовой культуры (кинематограф, карикатуристику, фотографию, музыку, спорт и др.), содержание которой должно было развиваться в строго заданном направлении на протяжении всей Холодной войны. В других случаях негативные черты образа врага

усиливались или ослаблялись (опции дегуманизации (регуманизации) [22]) либо на отдельных этапах (начальной стадии, в период позднего сталинизма в СССР), либо в кризисные, острые фазы противостояния [13]. Использовались технологии «остенсии» – провоцирование «моральной паники», приводящей к изменению поведения и восприятия врага (чужого) под воздействием дополнительных оттенков его сущности [67, с. 54–57]. Она раскрывалась, конкретизировалась в предельно негативную сторону, например, в изданиях, освещающих публичные, показательные процессы, либо, напротив, проводились не менее интенсивная амортизация, смягчение негативного контента, устранение или модификация институциональных, медиа-акторов, перестававших быть актуальными и востребованными.

Так, например, в 1951 г. прекратила свое существование газета «Культура и жизнь», созданная в 1946 г. специально, чтобы усилить уровень идеологической работы. 4 марта 1957 г. сбыл организован Государственный комитет Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами (ГККС), председателем которого назначается Г. А. (или Ю. А. – Юрий) Жуков, ранее занимавший должность редактора газеты «Правда». В постановлении ГККС от 3 ноября 1958 г. «О ходе выполнения Соглашения между СССР и США в области культуры, техники и образования» предписывалось «поручить Главному управлению радиовещания, Совинформбюро, редакциям журналов «СССР» и газеты «Москву ньюз» вести систематическую пропаганду значения культурных контактов между СССР и США на основе правительственного соглашения, популяризировать наиболее значительные советские делегации и творческие коллективы, выезжающие в США...» [68, л. 130]. В это же время (1958 г.) Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей (ВОКС) трансформируется в ССОД – Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. При этом Агитпроп был усилен еще одним ведомственным элементом – специальными комиссиями. В 1958–1961 гг. работала Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных партийных связей, в 1962–1966 гг. – Идеологическая комиссия при ЦК КПСС.

В США также политический дискурс, система контроля за ним никогда не оставались статичными. К 1960-м гг. был дисквалифицирован избыточно консервативный этический кодекс Хейса и принята рейтинговая система экспертизы медиапродукции, разработанная президентом Американской ассоциации кинокомпаний Д. Валенти. Позже прекратились заседания Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, началась встречная рефлексия и стратегия

по преодолению маккартизма как коммеморативной травмы, через неприятную процедуру «эксгумации» правды о политических преследованиях [20, р. 250]. При этом сложнее обстояло и обстоит дело с осмыслением сталинского «театра абсолютизма» [69, с. 34] и советского культурного пространства в целом.

Определенную роль в преодолении русофобии сыграла русская эмиграция и исходившая от нее литература, как газетная публицистика, так и результаты научно-популярных исследований центров советологии. В то же время, даже в период так называемого «культурного поворота» конца 1950–1960-х гг., образ «двух Америк», давно тиражируемый в СССР, пришел в тесное соприкосновение с релевантным образом «двух СССР» в США, основанным на восприятии Н. С. Хрущева, с одной стороны, как перспективного реформатора, инициатора десталинизации, с другой – как популиста-демагога, маскирующего экспансионистские претензии коммунистического режима мнимым демократизмом. Это составило основу для дальнейшей имагологической амбивалентности, продолжения «войны слов» и «войны идей» [19, р. XVII; 70, р. 38], идентичностей до самого завершения «холодной» эпохи.

Список литературы

1. Цветкова Н. А. Тридцать лет после открытия архивов: критический обзор истории и историографии «идеологической “холодной войны”» // Американский ежегодник. 2021. М. : ИВИ РАН, 2021. С. 314–336.
2. Репина Л. П. Память о событиях в измерениях пространства и времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 34–40. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-1-34-40>
3. Белов С. И. Политика памяти в России и за рубежом. СПб. : Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание», 2020. 522 с.
4. Белошапка Н. В. Государство и культура в СССР: от Хрущева до Горбачева. Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2012. 317 с.
5. Рябов О. В., Белов С. И., Давыдова О. С., Кубышкин А. И., Рябов О. А., Рябова Т. Б., Смирнов Д. Г., Спутницкая Н. Ю., Юдин К. А. «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны / под ред. О. В. Рябова. М. : Аспект Пресс, 2023. 400 с.
6. Давыдова О. С. Советская пресса 1965 г. об участии США в войне во Вьетнаме: специфика фотообраза врага // Метаморфозы истории. 2022. Вып. 25. URL: <https://history-metamorph.ru/s230861810023092-1-1/> (дата обращения: 19.03.2023).
7. Журавлёва В. И. Общее прошлое русских и американцев. Курс лекций. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2021. 618 с.
8. Нагорная О. С. Женщины в структурах советской культурной дипломатии холодной войны: пространства мобилизации и практики соучастия // Новейшая история России. 2020. Т. 10, № 2. С. 451–467.
9. Николаева Н. И. Советская пресса об американской культуре: от «холодной войны» до оттепели (1940–1960-е гг.) // СССР и США в XX веке: восприятие «другого» / отв. сост. Б. Физелер, Р. Магнусдоттир. М. : РОССПЭН, 2017. С. 60–69.
10. Раева Т. В. Советское движение за мир в послевоенной культурной дипломатии: институты, дискурсы, практики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17, № 2. С. 19–25.
11. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. Серия : История России. 2006. № 2 (6). С. 54–72.
12. Сондерс Ф. ЦРУ и мир искусств: культурный фронт Холодной войны. М. : Кучково поле, 2014. 414 с.
13. Трегубов Н. А. Аппарат партийного управления советской культурной дипломатией в годы Холодной войны // Управление в современных системах. 2018. № 4. С. 31–36.
14. Федоров А. В. Кинематограф в зеркале советской и российской кинокритики. М. : МОО «Информация для всех», 2019. 310 с.
15. Хид Т., Кубышкин А. И. Армагеддон: сравнительное изображение ядерного конфликта между США и СССР в американском кино // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 250–258.
16. Цыганов Д. М. Холодная война с «модернизмом»: международная сталинская премия в контексте западно-советских литературных взаимодействий периода позднего сталинизма // ROSSICA. Литературные связи и контакты. 2022. № 2. С. 191–268.
17. Magnusdottir R. Enemy Number One: The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda, 1945–1959. N. Y. : Oxford University Press, 2019. 242 p.
18. Hixson W. L. Parting the Curtain: Propaganda, Culture and the Cold War. N. Y. : Palgrave Macmillan, 1997. 283 p.
19. Parry-Giles S. J. The rhetorical presidency, propaganda, and the Cold War, 1945–1955. Westport : Praeger Publishers, 2002. 264 p.
20. Doherty T. Cold War, cool medium: television, McCarthyism, and American culture. N. Y. : Columbia University Press, 2003. 305 p.
21. Goodfriend A. If You Were Born in Russia. Farrar : Straus, 1950. 192 p.
22. Riabov O. «Red Machine»: The Dehumanization of the Communist Enemy in American Cold War Cinema // Quaestio Rossica. 2020. Vol. 8, № 2. P. 536–550.
23. IVAN is watching you // Aviation Week. 1951. 26 February.
24. Фатеев А. В. Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М. : ИВИ РАН, 1999. 261 с.

25. Юдин К. А. Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 752–773.
26. Лопаткин И. Н. Образ США в советской прессе периода «оттепели»: сравнительный анализ материалов послевоенных СМИ, периодики 1956–1964 гг. и современной прессы // Американистика на Дальнем Востоке / отв. ред. Д. В. Кузнецов. Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2021. С. 194–201.
27. Юдина А. М. «Джазовая дипломатия» США в 1950–1960-е гг.: из опыта использования американской «мягкой силы» в эпоху холодной войны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 18. С. 95–105.
28. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. Документы / отв. ред. В. Ю. Афиани. М. : РОССПЭН, 2001. 808 с.
29. Hoover J. E. Masters of Deceit: The story of communism in America and how to fight it. N. Y. : Kessinger Publishing, 1958. 352 p.
30. Noebel D. Communism, Hypnotism and the Beatles: An Analysis of the Communist Use of Music, the Communist Master Music Plan. Tulsa: Christian crusade publication, 1965. 26 p.
31. Клод А. Куда идет американский империализм. М. : Издательство иностранной литературы, 1951. 308 с.
32. Сталин И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г. // Большевик. 1934. № 17. С. 24–39.
33. Фейхтвангер Л. Москва 1937: отчет о поездке друзей. М. : Госполитиздат, 1937. 93 с.
34. Выше уровень идеологической работы // Культура и жизнь. 1946. 26 июня.
35. Каммари М. Великая творческая роль советского народа // Большевик. 1948. № 20. С. 37–48.
36. Муратова К. Д. Советские писатели в борьбе за мир: Краткая хроника событий (1948–1952) // Вопросы советской литературы : сборник статей. М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1953. Вып. 2. С. 351–368.
37. Информационное бюро коммунистических партий. Совещание (1949; Венгрия). Совещание Информационного бюро коммунистических партий в Венгрии во второй половине ноября 1949 года. М. : Госполитиздат, 1949. 104 с.
38. Иоффе А. Е. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом // Вопросы истории. 1966. № 3. С. 15–30.
39. Belmonte L. Selling the American Way: U. S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2008. 272 p.
40. Rand A. Screen Guide for Americans. Beverly Hills, CA : Motion Picture Alliance for the reservation of American Ideals, 1950. 24 p.
41. Правда о провокационном вторжении американского самолета в воздушное пространство СССР. Агрессоров к позорному столбу! / сост. Д. Асанов. М. : Издание Союза журналистов СССР, 1960. 191 с.
42. Goldwater B. The Conscience of a Conservative. Shepardsville, KY : Victor Publishing Co., 1960. 117 p.
43. США: преемственность политики агрессии // Правда. 1971. 29 июня.
44. Сербин А. Агрессор остается агрессором // Правда. 1971. 30 июня.
45. Видясова Л. Курсом гегемонизма и агрессии // Кровавые следы американского империализма / ред. Л. А. Кондарина. М. : Мысль, 1982. С. 3–21.
46. Вчера Вьетнам, Лаос, Кампучия. Сегодня Гренада, Ливан. Завтра... Преступления американского империализма / сост. Д. М. Погорельский. М. : Политиздат, 1985. 416 с.
47. Решетников Н. А. Клерикализм. М. : Мысль, 1965. 446 с.
48. Антикоммунизм – враг человечества / ред.-сост. : Азиз аль Хаж, Э. А. Араб-Оглы, Педро Мотта Лима, И. Т. Фролов ; под общ. ред. А. М. Румянцева. Прага : Мир и социализм, 1962. 435 с.
49. Religion and the Cold War / ed. by D. Kirby. N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. 247 p.
50. Conquest R. What to do when the Russians come. A Survivors' Guide / Robert Conquest and Jon Manchip White. N. Y. : Stein and Day, 1984. 177 p.
51. Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals in Orlando, FL, 1983 // Ronald Reagan Presidential Library and Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/remarks-annual-convention-national-association-evangelicals-orlando-fl> (дата обращения: 19.03.2023).
52. Барабаш В. В., Бордюгов Г. А., Котеленец Е. А. Образы России в мире. Курс лекций. М. : Эльф ИПР, 2010. 296 с.
53. Пойгина Л. Б. Образ России на страницах «Нью-Йорк Таймс» в исторической ретроспективе и современности // Коммуникология. 2015. Т. 3, № 2. С. 135–146.
54. Смит С. Путешествие в Советский Союз. М. : Агентство печати «Новости», 1986. 127 с.
55. Кирьянова О. Г. Кризис американской семьи. М. : Педагогика, 1987. 240 с.
56. Ефремов А. Е. Куда тянутся щупальца НАТО. М. : Военное издательство, 1985. 127 с.
57. Родиченко В. С. Западный вирус: Что угрожает международному спорту. М. : Физкультура и спорт, 1988. 148 с.
58. Ярошенко В. Н. «Черный» эфир. Подрывная пропаганда в системе буржуазного внешнеполитического радиовещания. М. : Искусство, 1986. 207 с.
59. Гуськов С. И. Голубой монстр (Спортивное телевидение США на службе американского империализма). М. : Мысль, 1986. 222 с.
60. Чередниченко Т. В. Кризис общества – кризис искусства. Музыкальный «авангард» и поп-музыка в системе буржуазной идеологии. М. : Музыка, 1987. 191 с.
61. Корзун Н. Феномен массовой культуры // Идолы и идеалы / сост. И. А. Михайлов. М. : Педагогика, 1988. С. 9–48.

62. Смольская Е. П. «Массовая культура»: развлечение или политика? М. : Мысль, 1986. 142 с.
63. Горбачев М. С. Перестройка и новое политическое мышление для нашей страны и всего мира. М. : Политиздат, 1987. 270 с.
64. Климов Ю. М. Поколение кризиса или кризис поколения. М. : Мысль, 1988. 269 с.
65. Большаков В. В. Многоликая безработица. М. : Международные отношения, 1987. 251 с.
66. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии (Госкино СССР). Оп. 26. Д. 277.
67. Архипова А., Кирзюк А. Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР. М. : НЛО, 2020. 536 с.
68. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Аппарат ЦК КПСС. Оп. 30. Д. 270.
69. Добренко Е. А. Визуальные стратегии репрезентации войны в советском «художественно-документальном» кино эпохи позднего сталинизма // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2015. № 4 (6). С. 28–46.
70. Cold-War Propaganda in the 1950's / ed. by Gary D. Rawnsley. N. Y. : Macmillan Press, 1999. 246 p.

Поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 30.06.2023
The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 30.06.2023